

КЛЮЧЕВЫЕ КОНЦЕПЦИИ ПСИХОАНАЛИЗА

Через тернии недопонимания

Л. И. Фусу

Фусу Лариса Ивановна – психиатр-нарколог, канд. мед. наук, психоаналитик, член SPP (Парижского психоаналитического общества), IPA (Международного психоаналитического общества), психоаналитический психосоматик, член IPSO, ректор Института психологии и психоанализа на Чистых прудах.

На клиническом примере подчеркивается влияние аналитической встречи, произошедшей уже на первичном интервью, речь идет о важности исследования недопонимания, ненависти и деструктивности в контрпереносе, а также способности аналитика принимать все части пациента, включая самые деструктивные из них, и не разрушаться.

Ключевые слова: встреча, аналитическая встреча, первичное интервью, перенос, контрперенос, деструктивность, ненависть, дементализация, делибидинализация, оперативное мышление, анализанты-роботы, гиперактивность, самоуспокоительные процедуры, дереализация.

В одном из интервью Жан-Люк Донне сказал, что настоящая психоаналитическая встреча была им познана и прочувствована лишь после того, как он сам лег на кушетку (Bouchard C. et Porte J.-M., 1998, p. 189–204). В том же интервью Жан-Мишель Порту Мишель де М'Юзан, в свою очередь, говорит, что у него такое впечатление, что психоаналитическая встреча происходит уже на первом первичном интервью (ПИ). То есть происходит что-то, абсолютно убеждающее его в том, что именно с этим аналитиком хотелось бы двигаться. Это что-то – уникальное, что-то, что не было пережито в других ситуациях, – собственно психоаналитическая встреча: «Ты говоришь, что это происходит на кушетке, для меня это – первое ПИ», – комментирует свои ощущения Мишель де М'Юзан (Bouchard C. et Porte J.-M., 1998)). Если какие бы то ни было отношения

устанавливаются, считает Бернар Шерве (Шерве, 2024), то только потому, что встреча произошла.

Мы все были или являемся анализантами, и у нас есть личный опыт психоаналитической встречи, а у некоторых из нас – и не-встречи. В нашей работе нам хотелось бы узнать (от пациента, разумеется) и понять, что происходит с нашими пациентами, что переживают они при встрече с нами. С помощью каких инструментов мы можем уловить, что происходит с пациентом на первой встрече? Всегда ли нам удастся опереться на свой контртрансфер (КТ)? Иные пациенты на втором первичном интервью говорят, что они вышли из кабинета обновленными, счастливыми, что у них будто выросли крылья, другие – что их впервые услышали и поняли, третьи – что они почувствовали себя наконец принятыми. Франсуа, пациент Алена Жибо (Жибо, 2023, с. 57–58), страдающий шизофренией, сказал о своем ПИ: «Это была встреча. Не знакомство, а встреча». Встреча произошла, пишет А. Жибо, благодаря тому, что аффекты пациента, даже самые ужасающие, были узнаны и признаны на ПИ, а также потому, что аналитику удалось понять особенности его психического функционирования. Однако есть и другие пациенты, которые ничего не говорят, ничего не транслируют, ничего не хотят, с которыми ничего не происходит, но они готовы начать работу.

Когда к нам приходит плохо ментализированный пациент, в какой степени мы можем говорить о «встрече»? Возможна ли она в принципе с пациентом с бедным психическим оснащением? Что может произойти, причем с обоими протагонистами, если работа идет, а встреча так и не произошла? Возможны ли хоть какие-то отношения, если не происходит встреча?

Существуют пациенты, неспособные, по крайней мере в первые годы, развить трансфер, и у нас из-за этого нет возможности воспользоваться своим важным рабочим инструментом – контртрансфером. Как и когда происходит встреча с такими пациентами?

Насколько наши аналитическое принятие и аналитическое слушание зависят от скудного функционирования таких пациентов и как эти наши способности модифицируются под их воздействием? Мы одалживаем этим пациентам, которые могут нас дементализировать и делибидинализировать, свое предсознательное, но каким оно становится в своем функционировании при такой встрече или скорее не-встрече? Это вопросы, на которые у меня нет ответов, но о которых я предлагаю задуматься.

Есть индивидуумы, которым анализ противопоказан, пишет Жак Пресс (Press, 2006, р. 5–15) и продолжает: «Чаще всего это те, кто так и не добрался до наших кабинетов, но для них, как и для других, вопросами первостепенной важности являются кадр и модальности, с помощью которых могут проявиться влечения. Это может быть анализ, иногда – другое, в зависимости от природы встречи между аналитиком и пациентом». Жак Пресс продолжает: «Использованный термин – встреча – подчеркивает, насколько все разыгрывается у обоих партнеров. Обычно это пациенты, у которых в целом имеется ядро, или травматический анклав, доступ к которому требует серьезных предосторожностей, самого глубокого уважения

со стороны аналитика. Вопрос анализируемости связан с основным вопросом, который касается КТ (контртрансфера), его, контртрансфера, слушания, его анализа и управления им». Для иллюстрирования своей точки зрения Жак Пресс ссылается на роман Генри Джеймса «Крылья голубки», который был удачно экранизирован. Автор помещает в сердцевину произведения последствия фундаментального недопонимания между людьми. Подобное может повториться и в нашей работе с пациентами, поэтому он рекомендует нам изучить и роман, и фильм.

Богатая юная сиротка потеряла всю свою семью, она отчаянно пытается почувствовать себя любимой, подстраиваясь для этого под других в соответствии со своими представлениями об ожиданиях других людей. В итоге она позволяет другим пользоваться собой, в том числе и в любовных отношениях. Неспособность партнеров ответить на ее запрос любви активизировала психическую деструктивность снаружи, со стороны объектов, а также и ее внутреннюю деструктивность. Недопонимание ведет к трагическому финалу – героиня заболевает физически и умирает.

Если встреча не состоялась, будет ли пациент ходить на сеансы? Мы склонны думать так же, как Мишель де М'Юзан и Бернар Шерве: маловероятно. Однако встречи бывают разными, не только созидательными, развивающими, но и разрушающими, в том числе и фатальными, как в «Крыльях голубки».

Когда начинается работа, пациент может отчаянно пытаться быть услышанным в своем запросе, но отсутствие адекватного ответа со стороны аналитика вкупе с «непопадающими» ответами, которые воспринимаются пациентом как дополнительный источник разочарования, недопонимания, перевозбуждения, страдания, не дают возможности пациенту использовать аналитика в качестве объекта, на котором в некоторых случаях соединяются вновь влечения, развязавшиеся из-за потерь, и даже еще больше развязываются на разных уровнях, что приводит лишь к увеличению внутренней деструктивности пациента, которая может приводить к тяжелым последствиям. Жан-Клод Эльбез (Эльбез, 2024, с. 303–312) призывает аналитика, работающего с пациентом, наполненным ненавистью и деструктивностью, исследовать и собственную ненависть и деструктивность, ибо даже если эти проявления пациента не всегда спровоцированы интервенциями аналитика, его контрпереносом, тем, что есть внутри аналитика, они тем не менее ведут к оживлению деструктивности аналитика и нередко незаметно для него. Цена может быть высокой, достаточно вспомнить статью Жан-Поля Обадя «Постаналитическая драма» (*Obadia*, 2000, р. 67–74) (которую Клод Смаджа (*Smadja*, 2008, р. 241) неслучайно предложил переименовать в «аналитическую», добавив, что все происходящее с пациентом во время и после анализа связано с аналитическим процессом) о его пациентке. После девяти лет анализа, вызвавшего у обоих протагонистов удовольствие и ощущение хорошо проделанной работы, она соматизировала, перенесла инсульт и навсегда осталась парализованной после него. Она пережила своего аналитика, к которому вернулась, с ее слов, в инвалидном кресле, но «навсегда».

В своей статье «Антианализант в анализе» Джойс Макдугалл (*McDougall*, 2006, р. 280–284) набросала портрет определенных анализантов, хорошо настроенных, полных намерения работать, которые очень быстро адаптируются; пациентов, которые с легкостью соглашаются и принимают аналитический протокол в своих формальных аспектах. Они приходят регулярно, вовремя, их речь ясна и содержательна, но на этом все. Через несколько недель слушания мы констатируем, что ничего не происходит, ни в их дискурсе, ни между ними и аналитиком. «Воспоминания детства не отсутствуют, но остаются застывшими, не связанными с настоящим, лишены аффекта. Никакая трансферентная эмоция не просачивается... Любовь? Это всего лишь слово из шести букв», – пишет Джойс Макдугалл (*McDougall*, 2006, р. 280–284).

Она подчеркивает, что эти пациенты не похожи на классических неанализабильных пациентов, которые не выдерживают фрустрации, или переходят к действиям, или тех, кто теряет контакт с реальностью и сбегает в бред. Все эти пациенты напоминают тех, у которых Пьер Марти, Мишель Фэн (*Marty, Fain*, 2013, р. 11–20) и Мишель де М'Юзан (*M'Uzan*, 2006, р. 310–320) обнаружили оператуарное мышление. Джойс Макдугалл назвала их анализантами-роботами с речью робота.

Мы можем задаться вопросом: с тех пор как показания к анализу и к психоаналитической терапии сильно расширились, претерпело ли изменения понятие «аналитической встречи»? К этому вопросу присоединяются и другие: начинать ли работу, если у аналитика есть впечатление, что встреча так и не состоялась? «Обрывать ли крылья» пациенту, которые появились у него во время ПИ, благодаря которым он ушел счастливым? Стоит ли начинать с ним работу, если аналитик хотел бы больше не видеть его никогда и заметно расстраивается, когда пациент является на второе ПИ? Мишель де М'Юзан (*M'Uzan*, 2006, р. 310–320) говорит, что каждый раз, когда он поступал наперекор своей интуиции, которая подсказывала не начинать работу, он сильно об этом сожалел.

Подобные размышления появились у меня перед встречей с Р., разведенным мужчиной 39 лет, атлетического телосложения, с заметно сниженным весом, инженером, руководителем небольшого собственного предприятия, обратившимся ко мне по рекомендации онколога.

Во время первого ПИ ничего не происходило ни с Р., – он просто пришел, с его слов, следуя предписанию онколога, ни со мной, – я просто выполняла свою работу. Уже через несколько месяцев я почувствовала, будто выполняю свой долг перед пациентом с тяжелой соматизацией, а со временем и вовсе ощутила, будто несу свой крест. Через какое-то время то же самое сказал и Р., что с самого детства он несет свой крест, делая все через силу и помимо желаний. Сначала старался быть лучшим учеником класса и учить даже те предметы, которые не нравились, ходил через силу на спорт, лез из кожи вон, чтобы не отставать от других, затем был лучшим в институте, лучшим на работе, лучшим в семье. Его ничего особо не интересовало, просто «надо было быть лучшим», этого требовали родители и «что-то внутри», похоже, так Р. называл свой Идеал Я.

Войдя впервые в кабинет, Р. уверенно сел и заговорил сразу, без малейшего смущения, продемонстрировав свою «нормопатию» – сверхадаптивность в неизвестной ситуации: он находился у психоаналитика впервые, однако говорил четко и по существу, но безжизненно. Словно робот, размеренно, не меняя ни скорости, ни тембра, Р. говорил, что не особо представляет себе, что такое психоанализ, насколько он может быть полезным (в дальнейшем он часто будет говорить о полезности и правильности), но должен выполнить рекомендацию онколога. Так это должно быть, идущее из Идеала Я, под эгидой которой жил Р., проявилось уже на первой встрече.

Его речь робота не менялась при смене темы. Он был прооперирован по поводу рака кишечника через восемь месяцев после тяжелого нарциссического удара – жена, с которой он прожил много лет, изменила, а через несколько месяцев и вовсе ушла жить к другому мужчине, запретив ему видеться с сыном, которым он, с ее слов, недостаточно интересовался.

Р. потерял сразу двух «важных людей», но на ПИ тем не менее он не выглядел ни подавленным из-за потерь, ни встревоженным из-за болезни. В речи звучали лишь нарциссические страдания: «неадекватный», непонятный ему поступок жены, повлекший утрату семьи и связи с наследником, «я недоволен статусом разведенного и отстранением от воспитания наследника».

Речь Р. была «зацеплена» за настоящее, привязана к перцепции, он говорил в основном о своей работе. О своем раке он больше не заговорил, лишь раз в год сообщал о посещении онколога и об отсутствии рецидива.

Сама болезнь, похоже, его не занимала. Утрата жены – тоже. Он был скорее озадачен, нежели расстроен потерей семьи. Ему хотелось понять, почему жена совершила такой «нелогичный поступок». Будто прочитав деловой отчет, рассказал историю своего развода, без эмоций и без малейшей попытки задуматься о том, что могло к этому привести. Он сидел весь сеанс неподвижно и говорил как компьютер, одинаковым голосом, без малейшего аффекта, независимо от того, о чем говорил. На предложение рассказать какое-нибудь воспоминание детства он ответил, что пришло сразу два воспоминания, одно плохое, другое – хорошее. «Вспомнил то, что никогда не забывал» – по маминой неосторожности он выпал из машины и сильно ушибся. Через несколько лет, после того как нам удалось хоть в какой-то мере проработать его осторожность в высказываниях на сеансах и за пределами кабинета и страх «быть выброшенным» как мною, так и другими, возвращаясь к этому воспоминанию, он сказал, что после какого-то его высказывания мать намеренно и с ненавистью выбросила его из машины, за рулем которой находилась. Он чудом выжил, но сильно покалечился. «Вспыльчивая и злобная мать не терпела никаких проявлений недовольства». Хорошее воспоминание – он гуляет с отцом, важным чиновником, проводившим все время на работе, но который приносил «полезную еду» и был «хорошим».

Придя на второе ПИ, он будто продолжил говорить с того места, на котором остановился. Так продолжалось месяцы и годы, он говорил, словно читая даже не книгу, а какие-то отчеты о ком-то другом, лишь изредка

поглядывая на меня перепуганным и недовольным взглядом. Недоверие и враждебность проявились сразу, по ходу работы только усиливались, но они не снижали моего интереса к нему и желания с ним работать. Все происходило так, будто у меня были желание и интерес, несмотря на то что я почувствовала себя не в своей тарелке уже с первого ПИ, а он будто приходил под принуждением, отбывая наказание, без желания и интереса.

Р. легко принял все правила и согласился с ними, мы начали работать, встречаясь один раз в неделю лицом к лицу, один сеанс мало чем отличался от другого: он рассказывал мне о своей работе, описывал комнаты своей квартиры, в которой после 15 лет «правильного брака» жил один. Как и прежде, в речи его не было ни грусти, ни сожаления, лишь недоумение, как его жена могла уйти к лысому человеку постарше, с животом и без денег. Слушая его, я уносила мыслями к 70-летнему пациенту Р. Руссийона (Руссийон, 2023, с. 244–265), который на протяжении долгих месяцев рассказывал ему о своих изобретениях, а Р. Руссийону не удавалось найти какие бы то ни было связи; мне его пациент представлялся более либидинализированным, чем 39-летний Р. Мой пациент тоже был изобретателем, что приносило ему постоянный хороший доход. Тем не менее на сеансах он часто говорил, что слишком много денег дает своему сыну-подростку. Его мышление напоминало резонерское антимишление больных шизофренией: «Это как посмотреть на эту сумму, 10 тысяч рублей для кого-то много, для кого-то мало, с точки зрения здравого смысла это полпенсии, другие могут прожить месяц на эти деньги. Люди зацеплены за деньги. Деньги – не главное. А что такое здравый смысл и кто сказал, что руководствоваться надо здравым смыслом, для одних здравый смысл в одном, для других – в другом. Деньги и здравый смысл – совместимы ли они? И что такое совместимость». Подобные размышления были связаны не с жадностью, а с желанием «поступить правильно», «как надо».

Месяц за месяцем Р. рассказывал о своей работе, о том, как из обычного технаря он продвинулся до руководителя отдела, затем открыл свой бизнес, которым гордится, так же как и большими доходами. Говорил, что обеспечивал и жену, которая нигде не работала, и ее многочисленных родственников, но «она поступила нелогично и ушла к нищевроду, испортив мой социальный статус. Теперь я вынужден говорить, что разведен».

Би-триангуляция проявилась достаточно быстро: родители не особо чтили разницу между поколениями и полами – временами носили одинаковые стрижки и похожую, нередко одинаковую одежду, ходили перед ним полураздетыми, говорили с ним как со взрослым на серьезные темы, включая их сексуальные отношения. В дальнейшем он говорил о родителях: «возбуждающая, плохая мать» – она была объектом влечений, и спокойный, хороший отец – идеальный объект.

Фаллический нарциссизм Р., похоже, был неким вариантом нормы для него до развода, он жил, удовлетворенный жизнью, у него были семья, работа, хорошая квартира, машина, деньги в банке. Правда, он прибегал к самоуспокоительным процедурам (СУП) – каждый день спортзал

по несколько часов для борьбы с хронической усталостью и хроническим напряжением, которые испытывал с детства, но считал, что это нормально, к тому же, говорил он, «спорт полезен». На сеансах у меня было впечатление, будто нахожусь на каком-то собрании, а Р. голосом робота-автоответчика отчитывается о том, что произошло за неделю.

Его родители живут в другом городе, но раз в месяц он навещал их, потому что «так правильно». Приезжая от них, он каждый раз говорил о том, что мама несобранная, в ее комнате все разбросано, а отец правильный и у него все в идеальном порядке. Однажды на мой вопрос: «Так же было и в вашем детстве?» – Р. ответил, что в детстве он зашел в комнату отца за бумагой и случайно обнаружил в письменном столе свидетельство о разводе матери. Родители никогда не говорили о первом браке матери, на вопросы Р. отвечали, что говорить об этом «неполезно».

Терапия протекала скорее на фоне отношения, нежели трансфера, скорее недоброжелательного. На этом фоне некоторые положительные трансферентные реакции начали проявляться уже через несколько месяцев, когда он сказал, что узнал, что есть бихевиоральный метод и он дает быстрые результаты. Но, будто испугавшись своей смелости, тут же продолжил, что смысл наших сеансов ему непонятен, но он видит результаты: к примеру, удалось уговорить бывшую жену позволить ему видеться с сыном каждую неделю, уменьшилось напряжение на работе, и даже усталость, на которую он жаловался, тоже уменьшилась. Впервые попытался пошутить, сказав, что все не только уменьшилось, но и прибавилось тоже – вес и доходы.

Месяцев через семь начали появляться скудные, пустынные сновидения без людей и живых существ: «приснилось полусухое дерево, но на нем были зеленые ветки». На одном из сеансов, через год, он сказал, что был на осмотре у онколога и у него все хорошо. Выразил сомнение в необходимости и полезности «полусухой терапии», заявил, что решил ее завершить, но нам удалось зацепиться за зеленые ветки из его сновидения, указывающие, с его же слов, о некотором его оживлении и пробуждении, и работа продолжилась. Еще через несколько месяцев в сновидениях начали появляться утки, собаки на берегах пруда рядом с кабинетом, указывающие на территориальную латерализацию, затем и люди.

Примерно через полтора года появился первый трансферентный сон – его вынуждают пользоваться старым компьютером. Его обогатившиеся к тому времени ассоциативные способности позволили ему сказать, что комп – это я. И, словно извиняясь, продолжил: «Старый не в смысле возраста, а косности мышления. Надо идти в ногу со временем, не понимаю, почему нельзя разговаривать по телефону на сеансе, пить воду, делать записи? Это старомодные взгляды». Сказал, что по-прежнему чувствует некоторое принуждение ходить на сеансы и из-за онколога, и из-за «чего-то внутри». Результаты нравятся, а то, что приходится что-то на них из себя доставать изнутри, – нет.

В другом сне, который появился позже, – он на красивой, большой, мощной машине, заехал на техосмотр, но оказалось, что она уже побывала в аварии и утратила свои способности. Его ассоциации были о том, что

психоанализ раньше был мощным помогающим методом, но он уже побит новыми, более эффективными. Сразу добавил, что бросать терапию не намерен, но ею не доволен. Недовольство мной, сеансами высказывались все чаще, но произносилось все это обычным, ровным, безаффективным голосом, как некая констатация. Недовольство моей старостью, косностью, которые появлялись после посещения родителей, иногда удавалось связать со старением родителей и страхом их потерять.

Первый год на сеансах я чувствовала себя беспомощной, некомпетентной, мысли о том, что, возможно, это то, что чувствует сам пациент, помогали мало, потому что я заметила, что действительно функционировала хуже, чем обычно. Его холодная, металлическая речь, которая наполнялась ненавистью, лишала меня моих обычных способностей, и я радовалась про себя как ребенок каждый раз, когда мне удавалось услышать его переживания и связать их. Однако постепенно дух мой угасал, и перед сеансами с ним я испытывала напряжение, страх, злость, отчаяние, правда, ко всеобщему счастью, они не снижали мой интерес и желание его слушать. Когда я говорила мало, он обвинял меня в этом, если я говорила много, он тоже был недовольным, что я и озвучила на одном из сеансов, на что Р. ответил: «Да, вы никогда не попадаете».

Воцарилось недопонимание. Чем больше мне казалось, что я его понимаю, тем меньше он был этим доволен. Иногда в самом начале сеанса он мог сказать с презрением, что у меня либо такая же прическа, как у его матери, либо такое же платье, как у нее, и он сомневается, смогу ли я его понять, коль я так старомодна.

Р. находился в постоянной активности, скорее в гиперактивности: по утрам несколько часов проводил в спортзале, полный рабочий день в офисе, вечерняя пробежка 5–10 км, английский язык пять раз в неделю, частый техосмотр своих машин, ежемесячные обязательные поездки к родителям, во время каникул поездки в новые страны, обязательный культурный поход раз в неделю на спектакль или концерт не для удовольствия, а для дела, потому что так надо – «культурный человек обязан». Яркое сочетание безжизненности, гиперактивности и самоуспокоительных процедур (СУП).

На первом году терапии я не чувствовала себя инвестированной, несмотря на то что Р. ходил на сеансы, не пропуская, редко опаздывая и оплачивая их сразу. Р. приходил на сеансы, выполняя наказ врача. Он говорил так, будто я не существовала, ни как объект для переноса, ни как человек. Мои интервенции воспринимались им как помехи. Постепенно он начал инвестировать территорию вокруг моего кабинета, это происходило одновременно с началом проявления некоторой пассивизации: Р. говорил, что он оставляет себе несколько минут до сеанса для того, чтобы неспешно пройтись по парку рядом с кабинетом, посмотреть на уток на пруду, затем – чтобы посидеть спокойно в соседнем с кабинетом кафе. Еще через год, когда способность к пассивизации увеличилась, Р. сказал, что прекрасно провел выходные, ничего полезного не сделав, лежа с книгой в руках.

Несмотря на то что никакого намека хоть на какое-то подобие работы горя не было, Р. начал знакомиться с девушками. Отношения завершались через месяц-три, девушки исчезали так же внезапно и по таким же непонятным для него причинам, как и его бывшая жена. Отношения с ними его больше напрягали, чем радовали, он был недоволен девушками, они вынуждали его вновь и вновь пытаться решить сложную умственную задачу – понять причины ухода бывшей жены к другому.

После сеансов, на которых он был особо придирчив и недоволен мной, он опаздывал и говорил, что опасался прийти вовремя: вдруг я его не жду? Свое недовольство он демонстрировал в основном мимически и через поведение, очень редко его высказывал, после таких сеансов тоже опаздывал, говорил, что я его «выброшу» (как мать из машины? Такие мысли появлялись, но я их не озвучивала). Также он опаздывал после сеансов, на которых говорил о какой-то актуальной проблеме, которая обычно являлась повторением ситуации из прошлого, как, например, неожиданные разрывы с партнерами по работе или с девушками, которые внезапно уезжали (как его мать) под прикрытием командировок (оказалось, что она ездила к своему первому мужу, «обманывая и отца, и меня»). Это усиливало еще больше мое отчаяние, ведь он не оставлял мне никакого времени для интервенций, которые с таким трудом у меня рождались и казались мне потенциально очень эффективными и напрашивались, как я полагала, для проработки. Он вынуждал меня переживать таким образом то, что сам переживал каждый раз, когда мать непредвиденно исчезала и так же неожиданно возвращались, при этом придираясь к Р., не отвечая на его вопросы и запросы и не давая ему возможности хоть что-то сказать, прояснить или узнать. Переводя пережитое им пассивно в активное, он неожиданно исчезал, как его мать, и не давал мне возможности говорить так же, как и сам был лишен этого в детстве, или придирался ко мне так, как придиралась к нему его мать.

Под давлением обвинений Р. в непонимании его я призналась в том, что я действительно не всегда его понимаю, но добавила, что хочу его понять. Через несколько сеансов Р. сказал, что мать никогда не признавалась ни в чем, но я смогла признаться и это принесло ему облегчение, но ненадолго, поскольку он не может простить мне годы недопонимания. «Моя мать меня разрушила, уничтожила, могла полуголая зайти без стука в мою комнату, ворваться в ванную, когда я принимал душ, либо в туалет, словно меня там не было. Или могла в приступе нежности душиить в своих объятиях. Я не могу ее простить». Продолжил, что с матерью боится говорить и предъявлять претензии: «она уже старая, и это может ее убить». Я слышала в этих повторяющихся на разных сеансах словах страх перед фантазмом об убийственной силе его агрессии. Несмотря на мое недопонимание, в котором Р. меня часто упрекал, у него не исчезала потребность сохранять меня, возможно как эрзац матери.

Шли тяжелые месяцы и годы моего отчаяния и беспомощности. После третьего летнего перерыва Р. впервые пришел на сеанс в костюме и туфлях (все годы ходил в бесформенной одежде унисекс и кроссовках), снял пиджак, оставшись в рубашке с коротким рукавом, сел, выдвинул

разрисованную руку вперед и сказал с вызовом и одновременно с упреком и нотками соблазнения (по крайней мере, я впервые заметила, что он приятный и соблазнительный мужчина): «Я хотел вам показать. Вот что я сделал во время перерыва». Оказалось, что он впервые почувствовал, как ему не хватает сеансов, и уловил какую-то печаль, добавив, что вообще-то сантименты не про него. Р. и раньше наводил меня на мысли о нехватке первичного эрогенного мазохизма, поскольку он говорил, что ему легче порвать отношения с партнером по работе, чем ждать, отказаться от дружбы, чем что-то терпеть от друга, ни за что не стоять в очередях – по этой причине он покупает билеты на самолет всегда бизнес-класса. Три года он реагировал на сепарацию только через поведение – подворачивал ногу, обливался случайно кипятком, разрывал отношения с друзьями, но в этот раз, с его слов, впервые появилась ощутимая душевная боль. Его неспособность выдерживать ее вынудили несколько дней подряд терпеть физическую боль от обширной татуировки. Душевная боль нашла телесный выход, но контролируемый. Второй путь, поведенческий, не срабатывал уже в попытке совладания с возбуждением и душевной болью, но он не соматизировал, столкнувшись с психическими страданиями из-за сепарации, рецидива рака не было, Р. смог найти иной выход для их перевода в физические.

Р.: Было больно. Я разрисовывал руку несколько дней подряд. Не ожидал, что татуировка так больно, порой даже нестерпимо.

И добавил:

Р.: Я не страдал во время разлуки с вами.

Я.: Похоже, вы все же страдали, порой даже нестерпимо, но вам удалось поменять место ваших страданий.

Р.: Что вы хотите сказать? Как поменял? Что я специально ходил на татуировки, чтобы не чувствовать печаль? (*Задумчиво*) Не знаю. Я не собирался разрисовывать всю руку. Вначале я сделал одну татуировку, в другой день – другую и ходил несколько дней, пока не разрисовал всю руку.

Так началось некоторое размораживание чувств и потепление отношений. Это позволило связывать происходящее на сеансах между нами с тем, что происходило раньше между ним и его первичными объектами. Временами он говорил о том, что ему тяжело приходиться на сеансы, так как чувствует агрессию с моей стороны: «Вы переполнены ненавистью». Я задавала себе вопрос о своей возможной ненависти в контрпереносе, но больше склонялась к тому, что у него начали усиливаться способности к проекции, однако это не отменяло того, что мне не удавалось уловить его ненависть – лишь недоверие и безрадостность, он ходил на сеансы как на работу. Вскоре Р. смог сказать о том, что никогда не забывал: он не выпал из машины, его вытолкнула мать, когда он проявил к ней агрессию: «Она не выдерживала ни малейшего моего недовольства».

После очередного летнего перерыва он начал опаздывать на 15–20 минут. Мои попытки связать это с разлукой во время прошедшего отпуска, с предыдущим сеансом им принимались, он даже мог говорить о своем несогласии с чем-то, что сказала я, но опаздывать продолжал. Одновременно с опозданиями нарастало его внутреннее напряжение и недовольство,

враждебное отношение. Недопонимание между нами нарастало, он начал пропускать сеансы, особенно после моих попыток связать происходящее здесь и сейчас с тем, что происходило раньше в его жизни, затем и вовсе начал приходить всего на 20–15 минут и однажды сказал, что у него есть такой страх – он боится причинить вред другим. И добавил, что это с детства. Ему даже могли сказать, к примеру, когда он брал в руки игрушку друга, что она сломалась и что это из-за него. Мать часто говорила, что он все портит, его тяжело выдержать, что из-за него у нее болит голова. Страх и вера в силу собственной деструктивности нарастали с каждым сеансом, мои попытки ее проработки не приводили к ее уменьшению.

В Р. нарастали гнев, злость, ненависть, и, похоже, он приходил с опозданием, опасаясь, что эти чувства могли уничтожить и его, и меня. Однако вместе с этими тяжелыми чувствами начали проявляться и нежные, он становился более душевным.

На четвертом году терапии Р. познакомился с новой девушкой, и они начали встречаться дольше, чем с предыдущими, она смотрела на него с любовью в глазах, а он не мог почувствовать ни любви, ни ненависти.

Р.: Я давно заметил, что люди рядом со мной чувствуют себя плохо. Это с детства.

После зимних каникул появилось воспоминание о том, как мать уезжала в командировки и всегда оттуда возвращалась разъяренная. Однажды рейс задержался, и он почувствовал не столько тревогу за мать, сколько желание, чтобы она не возвращалась, – не хотел ее видеть после того, как уехала как раз на Новый год. Удалось связать это с нашей сепарацией во время новогодних каникул, и я сказала: «Тот, кто вынуждает так страдать во время сепарации, заслуживает смерти». Он лишь улыбнулся довольно. Р. сказал, что, когда мать возвращалась из командировок, вначале он был доволен, но потом с помощью поведения показывал ей свое недовольство, появлялась ненависть к ней, но тут же что-то внутри тяжелое как будто придавливало эти чувства и подавляло их.

Все чаще Р. на сеансах говорил, что не может почувствовать ненависть, затем уточнил:

Р.: Я не могу себе позволить ее почувствовать. Чего же я боюсь?

Я: Возможно, быть выброшенным (*«из машины» я произнесла только про себя*).

Эта интервенция открыла путь к проработке чувств несправедливости, отверженности, неприятия, недопонимания, ненависти.

На одном из сеансов, когда Р., как всегда, размышлял о причинах своих опозданий (поздно начал собираться, пробки, ехал из нового места и не рассчитал время в пути), я предположила, что, возможно, есть какая-то часть его, с которой он не хочет или не может встретиться. Он ответил: «Бездонная яма, крошечная тьма». Затем с некоторым воодушевлением, но одновременно и с вызовом добавил: «Эта та часть, о которой вы ничего не хотите знать, которую не принимаете». Выпавив это, он вернулся к своему обычному монотонному, бесцветному голосу и начал рассказывать подробно про передачу, которую он видел по ТВ: туристы ищут водовороты, они затягивают, могут унести их и даже убить.

Р.: Зачем я вам об этом рассказываю? Почему я вспомнил эту передачу, я видел ее давно?

Я: Возможно потому, что та часть вас как водоворот, который не только затягивает, но может убить.

Р.: Не только меня.

До конца сеанса он говорил о страхе перед этой своей разрушительной частью.

На следующем сеансе он сказал, что мы смогли найти спрятанную часть, это его обрадовало, принесло облегчение, но «есть еще что-то». И это «что-то» мучает.

После этого сеанса Р. перестал опаздывать, приходил охотно, без принуждения, начал проявлять интерес к себе, к тому, как он устроен, находил удовольствие в обнаружении и присвоении своих чувств, в субъектализации.

Однако все изменилось после пасхальных каникул: он вновь пришел после них с большим опозданием, полностью измененный внешне, приобретший женские черты лица, но при этом сильно заостренные (как у ведьмы, подумала я), и с небывалой злостью, изменившимся, не своим, шипящим голосом, громко дыша, заговорил о том, что вся эта работа бесполезная, что я ничего не понимаю, что ничего из того, что было сказано мной за все годы, в него не вошло, я все годы говорила мимо, не то и не так. Так продолжалось долго, я была одновременно напугана, растеряна, но наблюдала за происходящим с интересом, как за спектаклем, будто все происходило на театральной сцене. Определенно произошла дереализация, поскольку я воспринимала Р. как находящегося на большом расстоянии от меня, как на возвышении, на театральной сцене, а я, зачарованная, сидела в зрительном зале, что не мешало мне одновременно радоваться, подумав: «Вот она, спрятанная часть!» В момент наивысшего накала я спросила не без некоторой растерянности:

Как такое может быть, что за все годы из сказанного мной ничего не зашло?

Р. (*выдохнул и изрек уже своим голосом*): Это моя мать!

(Едва он это произнес, как подобно Зелигу из фильма Вуди Алена Р. начал на глазах трансформироваться: лицо утратило заостренные черты, поза из женоподобной обрела вновь мужественность, голос вновь огрубел.) Я была под сильным впечатлением, ошарашена, зачарована моим галлюцинаторным восприятием матери внутри него. Тем временем Р. говорил о жестокости его матери.

На следующий сеанс Р. пришел без опоздания, с виноватым видом, робко сел на краешек кресла и начал извиняться, говорить, что не знает, что с ним было, почему и откуда такая агрессивность, столько злости, долго говорил, что сеанс был неудачным.

Я: Я считаю, что сеанс был удачным.

Р. посмотрел на меня молча и с недоумением.

Я: Сеанс был удачным, вам удалось показать мне вашу мать.

Р. ответил, что это вообще был не он, словно злая мать в него вселилась.

Я.: Да, вы так и сказали: «Это моя мать».

Р.: Это моя мать, она не принимала ничего, что исходило от меня. Что бы я ни говорил, ей не заходило. Она отвергала все. Возможно, поэтому и ваши слова не заходили.

Я: Мои слова не заходили, но то, что вы принесли, – зашло.

Сеанс, на котором мы, со слов Р., «нашли его спрятанную часть», что позволило ей затем проявиться во всей убийственной агрессивности, был мутативным. Это поспособствовало тому, чтобы Р. смог принести эту часть и показать ее мне, а мне удалось воспринять и принять эту часть и выжить под ее деструктивной атакой, в понимании Винникотта (Винникотт, 2004, с. 76–92), что позволило пациенту найти разрушенный-найденный объект (*détruit-trouvé*) согласно концепции Р. Руссийона (Руссийон, 2023, с. 244–265).

Это позволило постепенно проявиться и другим его частям и вступить в новую фазу продуктивной, приятной и увлекательной работы. Базовый негативный трансфер трансформировался в положительный. Наконец, полноценно встретившись, мы разделяли с Р. удовольствие от наших совместных открытий. Недопонимания появлялись, но обычно нам удавалось разобраться с ними довольно быстро, иногда на том же сеансе, на котором они возникали.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винникотт Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя. Екатеринбург: Литур, 2004. 400 с.
2. Жибо А. Первичное интервью // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. Вып. 2 / Пер. А. И. Коротецкой. М.: Издательский дом «Наука», 2023. С. 57–65.
3. Руссийон Р. Работа символизации // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. Вып. 1 / Пер. А. И. Коротецкой, Л. И. Фусу. М.: Издательский дом «Наука», 2023. С. 244–265.
4. Шерве Б. «Встреча». [Стенограмма] // Психоаналитическая конференция. Ереван, 2024.
5. Эльбез Ж.-К. Аннигилирующая мать // Уроки психоанализа на Чистых прудах. Сборник статей приглашенных преподавателей. Вып. 3 / Пер. А. И. Коротецкой, Л. И. Фусу. М.: Издательский дом «Наука», 2024. С. 303–315.
6. McDougall J. (2006) L'anti-analysant en analyse. Un portrait clinique et une notion théorique par. Paris: PUF. Rfp, 80 ans de psychanalyse. Textes 1926–2006. Vol. 36. No. 2. P. 273–286.
7. M'Uzan M. de. (2006). Contre-transfert et système paradoxal par. Rfp, 80 ans de psychanalyse. Textes 1926–2006. Paris: PUF. Vol. 40. No. 3. P. 309–321.
8. Bouchard C. et Porte J.-M. (1998) Donnet J.-L. et de M'Uzan M.: La rencontre analytique: Interview par. Revue française de psychanalyse. Paris: PUF. Vol. 1. No. 62. P. 189–208.
9. Press J. (2006) Les sédiments de deuil. Deuil, impasses psychiques et somatisation. Revue française de psychosomatique. Paris: PUF. No. 2. P. 5–17.

10. *Obadia J.-P.* (2000) Un drame post-analytique. *Revue française de psychosomatique*. Paris: PUF. No. 17. P. 67–83.
11. *Smadja C.* (2008) Les modèles psychanalytiques de la psychosomatique. Paris: PUF. 241 p.
12. *Marty P., Fain M.* (2013) À propos du narcissisme et de sa genèse. *Revue Française de Psychosomatique*. Paris: PUF. No. 43. P. 11–22.

Through the Thorns of Misunderstanding

L. I. Fusu

Fusu Larisa I., psychiatrist, psychoanalyst, candidate of medical sciences, rector of the Institute of Psychology and Psychoanalysis on Chisty Prudy, member of the Paris Psychoanalytic Society (SPP), member of the International Psychoanalytic Association (IPA), member of the International Association of Psychoanalytic Psychosomatics named after Pierre Marty (IPSO, Paris), President of the Society of Psychoanalytic Psychosomatics (Moscow), member of the Moscow Psychoanalytic Association (MPA).

This clinical case highlights the impact of the analytic encounter that took place during the initial interview and emphasizes the importance of exploring hatred and destructiveness in countertransference. It also focuses on the analyst's ability to accept all parts of the patient, including the most destructive aspects, without being overwhelmed.

Keywords: encounter, analytic encounter, initial interview, transference, countertransference, destructiveness, hatred, decentering, delibidinalization, operational thinking, analysand-robots, hyperactivity, self-soothing procedures, derealization.